

женой торговца сукном, долго ухаживал один молодой школяр, красавец и лихой плясун (в те времена орлеанские плясуны славились так же, как пуатинцы-флейтисты, авиньонские удальцы и тулузские зубрилы). Звали этого школяра Клеретом. Дама, обладавшая жалостливым и добрым сердцем, не могла устоять против его ухаживаний и ответила ему наконец взаимностью, каковой он мирно наслаждался благодаря искусному обмену с нею посланиями, обоюдным предостережениям и намекам. У них были в ходу также и кой-какие невинные ухищрения, которые они применяли попеременно, вроде, например, того, что в десять часов вечера Клерет приходил к ее двери и подражал лаю маленькой собачонки. Горничная, посвященная в этот секрет и державшая его в тайне, тотчас же выходила на его лай без свечи и без фонаря и открывала ему дверь. А по соседству с этой дамой жил другой школяр, который тоже был в нее влюблен и страстно желал быть в компании с Клеретом, но не мог этого добиться, потому что либо не нравился ей, либо не был так смышлен, как Клерет, а вероятнее всего потому, что умные женщины неохотно заводят шашни с соседями, опасаясь слишком скорого разоблачения. Однако, узнав о посещениях Клерета и даже о том, как он лает и как ему открывают дверь, этот школяр сумел кое-что придумать. Точно узнав время прихода Клерета, он решил, что голос у него вполне пригоден для того, чтобы подражать им лаю собачонки, как это делал Клерет, и стоит ему только залаять, как добыча будет в его руках.

И вот однажды, когда мужа дамы не было дома, он немного ранее десяти часов подошел к дверям ее дома и залаял, как маленькая собачонка:

– Гав! Гав!

Служанка, услышав лай, тотчас же открыла ему дверь. Весьма обрадовавшись этому, он, знакомый с расположением комнат, направился прямо в спальню дамы и лег к ней на кровать. Дама приняла его за Клерета, а он, разумеется, не терял даром времени.

Пока он с нею забавлялся, пришел Клерет и принялся, по обыкновению, лаять у двери:

– Гав! Гав!

Но его не впустили. Хотя даме и послышалось что-то, но она не подумала, что это – он. И только после того как он тявкнул еще раз, у нее зародилось подозрение, тем более что приемы и манеры гостя показались ей не такими, как у Клерета. Она хотела встать и позвать служанку, чтобы та узнала, в чем дело, но школяр, намеревавшийся провести эту ночь, которая началась для него столь счастливо, в свое удовольствие, немедленно поднялся с кровати и, подойдя к окну, в то время как Клерет продолжал еще свои «Гав! Гав!», залаял ему в ответ наподобие деревенских бредухов:

– Гоф! Гоф! Гоф!

Услышав этот голос, Клерет сказал:

– Ах, ах, божье тело! Конечно, большая собака должна прогнать маленькую. Прощайте, прощайте, доброго вечера и доброй ночи!

И ушел. А тот школяр снова улегся на кровать и постарался успокоить даму, как мог. Ей не оставалось ничего другого, как покориться. С этого времени он вступил с маленькой собачкой в сделку, и они ходили охотиться на кроликов по очереди, как добрые друзья и товарищи.

Новелла LVIII

О монахе, который давал на все вопросы краткие ответы

Один монах, находясь в пути, зашел во время ужина в харчевню. Хозяин усадил его с другими проезжими, которые успели изрядно закусить, и наш монах, дабы догнать их, принялся уписывать свой ужин за обе щеки с такой жадностью, словно он не видал хлеба целых три дня. Для большего удобства он снял с себя все облачение до фуфайки. Обратив на это внимание, один из сидевших за столом принялся задавать ему разные вопросы. Монаху это весьма не нравилось, ибо он был занят улаживанием своей утробы, и чтобы не терять времени, он стал давать краткие ответы, в которых, я полагаю, он упражнялся раньше, ибо отвечал весьма точно. Вот в чем состояли вопросы и ответы:

– Какую вы носите одежду?

– Клобук.

– А много в вашем монастыре монахов?